

Наталья ГОРЯЧЕВА

«ЖИВОЕ СЛОВО» ЧЮРЛЁНИСА

Чюрлёнис – это всё вместе: и музыка, и краски, и поэзия. Он жил там, где мы еще не скоро сможем жить, и у него было другое, чем у нас, ощущение пространства и времени.

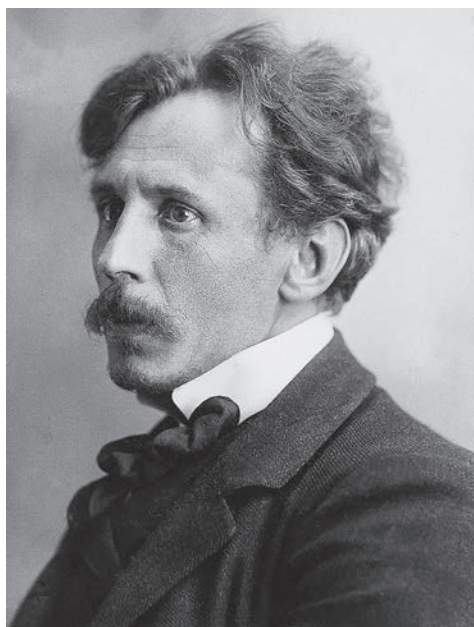
Э. Межелайтис

Не часто рождаются вестники, приоткрывающие другим горные миры. Да и не каждому дано понять эти прозрения. Наверное, поэтому Микалоюс Чюрлёнис в истории искусства хоть и считается мастером признанным, но остается до конца не понятным. Его знаменитые «музыкальные картины» – «Сказки», «Фуги», «Прелюды», большой цикл «Сонат» – до сих пор тревожат воображение. В музей Чюрлёниса в Каунасе каждый день приходит множество посетителей. Одни мечтают увидеть картины и послушать музыку, другие пытаются проникнуть в тайну искусства Чюрлёниса. Правда, не каждому дано его прочувствовать. А он и не пытался быть доступным, понятным. Невольно вспоминаешь строки из его «Псалма»: «На берег речной вышли мы, а конец шествия только показался из темного бора. “Река!” – воскликнули мы. И те, кто рядом был, вторили нам: “Река! Река!” А кто в поле был, кричали: “Поле, поле, поле!” В конце же идущие говорили: “В лесу мы, и удивительно нам, что передние кричат: “Поле, поле, река, река”. Лесом мы идем”, – так говорили они, ибо не знали, что находятся в конце шествия».

Чюрлёнис жил в своей вселенной и именно её воссоздавал в твореньях, даря нам невероятный мир сказок, фантазий, грез и иллюзий. Полотнами он пытался выразить музыку, а звуками передать краски.

Это был живой, сердечный и открытый человек, который любил делиться впечатлениями. В общении с другими людьми он вел себя скромно, старался не выделяться. Но, несмотря на эту скромность, оказывал сильное влияние на свое окружение. Близкий друг композитора Влодзимеж Моравский говорил: «Когда Чюрлёнис был с нами, все мы становились лучше. Рядом с ним не могло быть ни плохого человека, ни злых чувств. Он разливал вокруг себя какой-то свет». Лишь одно могло его вывести из себя – когда просили «объяснить» содержание той или иной его картины. Чюрлёнис негодовал: «Ну почему они не смотрят? Почему не напрягают свою душу?! Ведь каждый по-иному подходит и иначе воспринимает...» Безусловно, он прав. Художник пишет не для того, чтобы потом объяснять, что же он такое изобразил. Он стремится выразить некую идею, эмоцию. Как ни странно, но даже самое реалистическое произведение искусства символично. И каждый увидит в картине лишь то, что волнует лично его, а быть может, просто пройдет мимо.

Признание к Чюрлёнису запоздало. При жизни ни одно из его крупных музыкальных произведений на большой сцене не звучало. Как живописцу, ему

тоже далеко было до восторженных восклицаний поклонников. Куда обыденней – равнодушие, насмешки, непонимание. А ведь Микалоюс Чюрлёнис был живым воплощением мечты Серебряного века о великом синтезе искусств. Его универсальный талант воплотил самые смелые фантазии о творческих возможностях человека. Чюрлёнис – это не только музыка и живопись, это еще и литература. Эссе, стихи композитора, поэма «Осень», да даже его письма пронизаны образностью: в них – чувство, воображение и, как это ни удивительно, звучит музыка. Литовский искусствовед и живописец Игнас Шлапялис отмечал в своей неизданной монографии: «Все работы Чюрлёниса, все его сочинения написаны в том же духе, как и его живопись – они глубоко лиричны, символически, музыкальны».

Вот, к примеру, отрывок письма Чюрлёниса к другу-композитору, Эугениушу Моравскому: «Спать не хочется, и работать не могу. Тихо, ничто не шевелится. Только в лампе что-то жужжит, да скрипит перо по бумаге. Где-то вдалеке слышен извозчик. Всё тише, тише. Совсем затих. Люблю тишину, но сегодня она невыносима. Кажется, будто крадется кто-то. Страшно. Приходит мысль в голову, что в этой тиши сокрыта какая-то тайна. Порою кажется, что эта темная и тихая ночь – какое-то огромное чудовище. Распласталось оно и дышит медленно, медленно. Широко раскрыты застывшие огромные глаза, а в них бездна равнодушия и какая-то важная тайна...»

А вот еще одна любопытная зарисовка о тишине уже из письма Брониславе Вольман: «...Палка, пелерина. Ночь светлая, настроение тоже просветленное. Небо окутано зеленоватым туманом, словно заткано серебряной паутиной. Кое-где звезда, будто заблудившаяся, попавшая в сети мушка, трепещет золотыми крылышками, а в самом центре – луна-паук смотрит значительным, мигающим большим глазом. И всё происходит в какой-то священной тишине...»

У Чюрлёниса тишина – не просто безмолвие, это метафизическое пространство, в котором можно побыть в одиночестве, поразмышлять о вечном, помечтать и помолиться. Есть у него одна пронзительная картина под названием «Тишина», которую часто называют притчей о человеческой судьбе. Это пейзажная композиция: на тусклом желтоватом фоне бескрайнего моря, соединенного с пустым воздушным океаном, темнеет берег, и на нем растут три маленьких одуванчика. Они светятся серебром и кажутся совершенно невесомыми, беззащитными. Подуй ветер, и они исчезнут, будто никогда их не было. Обреченные, живущие до первого порыва стихии, словно не одуванчики это, а человеческие жизни – хрупкие, непрочные.

С Чюрлёнисом так всегда. Вроде хочешь сделать упор на литературу, а не обойдешь стороной его пастели, и внутренний слух тут же прокрутит в памяти какой-нибудь опус. А всё потому, что Вселенная виделась Чюрлёнису большой симфонией, люди – нотами. И не зря он твердил: «Нет рубежей между искусствами, музыка объединяет в себе поэзию и живопись и имеет свою архитектуру».

Сложно порой говорить о красках и звуках. Чувствуешь себя никчемным толкователем и вновь подтверждаешь истину – картины нужно смотреть, музыке – слушать. Вспоминаешь философский вопрос Чюрлёниса: «Куда исчезают слова, когда начинается человек?» И думаешь: «Если вначале было слово, то человек, выйдя из него, сам должен становиться творцом. Не только творцом своей судьбы, но и вселенной». С Чюрлёнисом не заскучаешь. Всегда есть над чем поразмышлять. Как ребенок, радуешься тому, что можешь прочесть хотя бы фрагменты его произведений.

Писал Чюрлёнис на польском языке и творчество свое не издавал. Может, считал его недостаточно зрелым, а может, просто не хотел ангажироваться как

польский литератор, ведь литовским языком он владел не очень хорошо. Так или иначе, была лишь одна его попытка что-либо опубликовать. Случилось это осенью 1905 года, и попытка называлась «Записки выздоравливающего». Сохранились лишь отрывки этого сочинения да воспоминания самого Чюрлёниса о том, как приняли его «Записки» в польском журнале «Химера»: «Когда редактор читал рукопись, у него было очень глупое выражение лица, но после того, как прочитал, оно стало еще глупее. Редактор был озадачен: “Это бред или работа гения?” По-видимому, он придерживался последнего убеждения». Больше попыток Чюрлёнис не предпринимал.

Для нас, конечно, большая трагедия, что композитора не заботила судьба собственных литературных произведений, потому что практически все оригиналы его работ исчезли. Возможно, даже погибли. То, что мы имеем, это отрывки дневников и записей, которые перевел Игнас Шлапялис. Часть из них он включил в текст своей неизданной монографии, кое-что опубликовал в периодических изданиях. Но проблема в том, что отрывки эти существуют в переводе совершенно нелитературном, разве что дословном. Сегодня по этому поводу немало вздохов и сожалений. Многие с удовольствием бы отредактировали, а еще лучше – перевели бы по-новому сочинения Чюрлёниса. Но с чего переводить? Имеющийся текст – единственный источник. Хорошо, что хоть письма сохранились в нетронутном виде, да и нашлись некоторые тексты в отличном переводе. К примеру, отрывки из «Моря» в переводе Коновалова: «...И шел из моря ответ, тихо шурша, раскачивая прибрежные травы, которые, колыхаясь, шептали: то ветер, ветер, ветер. Ничтожный ветер – призрачная стойкость, ветер – бездомный бродяга, хилый, бесцветный, воющий, как мерзкий шакал, – бежит без цели, калеча леса, купаясь в пыли, раздувая пожары, валя старые кладбищенские кресты, терзая бедные хижины. Склоняются перед ним гибкие ивы, а скромные цветочки даже к земле прижимаются, уstraшенные его свирепостью...

А ты хмуришься и гневаешься, вечный король великанов, ты, который испокон веков отдыхаешь освещенный мерцающими солнцами вселенной, всегда холодный и спокойный, ты беспокоишься...

Ветер сгоняет всё новые и новые стада, наконец, ему это надоедает, и, всё бросив, он со свистом уносится вдаль. А ты пенишься, море, ты, великое и бес- сильное. Ветра давно уже нет. Ты собираешь свои волны, свои остатки, едва их сдерживаешь, и жалобно стенаешь, как дитя. Зачем стенаешь, море? Иль жаль тебе неугомонных твоих волн, от которых осталось лишь немного пены и ничего больше? Не сожалей о них! Придет пора, и подует ветер, новые волны поднимутся с того берега, и ветер погонит их туда, куда захочет, и в досталь будет неугомонных великанов-волн, от которых снова лишь немного пены останется и ничего больше».

Чюрлёнис – пантеист, для него Бог – это и горы, и дерево, и море, и трава. Подобно нашим предкам, он наделял мир лесов, рек и полей магическими антропоморфными признаками. Как он обращается к морю?! «Ты – великое и бес- сильное». У Чюрлёниса есть и «Соната моря» – знаменитая живописная «сюита», так называют этот триптих, и симфоническая поэма, посвященная стихии. Когда ты слушаешь её, нет никаких сомнений – это море шумит, волнуется, а потом стихает. Ощущаешь ветер в волосах, соль на губах, слышишь крики чаек и, кажется, не поэму слушал, а побывал на берегу моря.

Чюрлёнис зачитывался Достоевским, Ибсеном, Эдгаром По, Гюго, философией Древней Индии. Интересовали его и идеи мистиков-космистов: Рудольфа Штайнера и Елены Блаватской. В итоге композитор стал творцом собственно-

го индивидуального маленького Космоса. Николай Бердяев вообще говорил о мистицизме его творческого дара. Наверное, поэтому у искусствоведов и возникают сложности с этой фигурой. Они пытаются поместить Чюрлёниса в определенные рамки – эпоха, художественный стиль, школа и прочее. Но с ним как с художником всё непросто. Творчество его находится между символизмом и абстракционизмом, причем с признаваемым влиянием музыки. Такой скромный, сердечный, открытый человек и одновременно сложный художник.

Мне бы хотелось показать вам запись из его альбома: «Взгляни, среди снежных горных корон, среди гор, взлетающих почти до небес, стоит человек. Под его ногами облака прикрыли землю; там, внизу, происходят земные дела – суматоха, шум, болтовня, но облака закрыли всё. Тишина. Кругом белые, удивительные короны, поразительно величественные, прекрасные, из опалов и жемчуга, из топазов и малахита, из хрусталя и алмазов. Потрясающе волшебные, огромные короны, а среди них стоит человек и смотрит, широко раскрыв глаза, смотрит и ждет. Обещал он, что на заре, в миг пожара корон, в час хаоса красок и танца лучей, запоет он гимн солнцу».

Говорят, что Чюрлёнис обладал пророческим даром и гипнотическими способностями. Он даже проводил эксперименты и однажды узнал, когда умрет. Увидев, что его родных это огорчает, прекратил опыты. Кстати, у него есть одна очень интересная картина под названием «Покой». Он изобразил там гористый остров на глади воды, который вот-вот уснет, а на его берегу пылают две огненные точки костров. И кажется, что это не костры вовсе, а глаза какого-то фантастического чудовища, которое то ли смотрит на тебя, то ли уже подстерегло добычу и ждет удобного момента. Так вот, русский полярный исследователь Георгий Седов в 1911 году обнаружил на одном из островов Земли Франца-Иосифа точное воплощение этой картины. Удивительно, как фантазия или, возможно, прозрение, умеет проникать в далекие, но вполне реальные уголки земли.

А вот отрывок из сказки Чюрлёниса, которую часто называют притчей:

«Устав от беготни по улицам большого города, я присел на скамейку, предназначенную для вестников. Был страшный зной, серо-желтые дома стучали зубами, сверкали пестрые вывески, там и сям возносились позолоченные солнцем башни, а люди, измученные зноем, передвигались медленно, словно сонные. Какой-то старичок с трясущейся головой, тяжело волоча ноги и опираясь на палку, остановился передо мной и внимательно стал меня разглядывать. Его глаза были печальны, исслезившиеся и будто бессмысленные. На груди его висела веревочка, унизанная крестиками разной величины: были там большие железные, слегка поржавевшие, и поменьше – плоские медные, и совсем малюсенькие серебряные. “Нищий”, – решил я – и уже было потянулся в карман за медяком, но старичок, странно прищурившись, таинственным шепотом спросил:

– Приятель, не скажешь ли, как выглядит зеленый цвет?

– Зеленый цвет? Гм... Зеленый цвет это цвет... ну, такой, как трава... деревья, листья, – ответил я ему и огляделся вокруг. Нигде не было никакого деревца, ни росточка травы.

Старичок рассмеялся и взял меня за пуговицу:

– Если хочешь, идем со мной, приятель. Я тороплюсь в тот край, по пути расскажу тебе кое-что интересное.

И когда я, встав, последовал за ним, старик начал рассказывать:

– Когда-то давно, когда я был молод, как ты, сынок, было так же вот жарко. Устав от беготни по улицам большого города, я присел на скамейку, предназначенную для вестников. Был страшный зной. Серо-желтые дома стучали зуба-

ми, люди, измученные зноем, передвигались медленно, словно сонные. Долго смотрел я на них и страшно затосковал по лугам, деревьям, зелени, – такой, знаешь ли, майской зелени. Собрался я вдруг и пошел, и так вот шел всю жизнь в напрасных поисках её в городе. Я шел и шел всё дальше и дальше, обращаясь к встречным, но они вместо ответа давали мне крестики. Поднимался я на высокие башни, но, увы, насколько хватало глаз – всюду виделся только город, город, и нигде – зелени. Однако чувствовал я, что есть она в этом краю, только мне, видать, не дойти – стар я уже. Эх, если бы не далеко, так хотя бы мог и отдохнуть: благоухание, мушки жужжат, а кругом зелень, трава, деревья.

Посмотрел я на старичка – он улыбался, как дитя, и плакал. Прошли мы молча еще часть пути, в конце его старичок сказал:

– Ну, с меня хватит. Дальше невоготу, здесь уж и останусь. А ты иди, иди без усталости. И наперед тебе скажу, что зной не спадет, на этом пути ночи нет, лишь вечный день. По пути говори с людьми о лугах, о деревьях, только их не спрашивай или возьми с собой веревочку, крестики нанизывать. Ну, ступай с Богом, а я здесь останусь.

Едва я отошел шагов на десять, старичок опять закричал:

– погоди, сынок, забыл я сказать: гляди с высоких башен, тогда путь почувешь. А если будет еще очень далеко и старость тебя настигнет там, – найдешь скамейку, предназначенную для вестников, а на ней в юношах никогда недостатка не будет.

Так сказал старичок, и я пошел дальше, и смотрел я с высоких башен».

Вот и вся сказка. Старик, жизнь которого подошла к концу, завещал юноше, вступающему в жизнь, идти вперед, без усталости, и смотреть с высоких башен.

Чюрленис – тонкий человек, мистик, гений, слишком близко подошедший к миру горнему, а потому ушедший так рано, не дожив до тридцати шести. Жаль, что мы не сможем сейчас послушать его коротенькую фортепианную пьесу под названием «Осень». Чюрленис написал к ней и маленькую зарисовку: «Осень. Голый сад. Полураздетые деревья шумят и засыпают листьями тропинки, а небо серое-серое, и такое грустное, как только душа умеет грустить»...

